

Качков И.А. (Екатеринбург, УрФУ)

**«Бригадир» В.Ф. Одоевского и «Смерть Ивана Ильича»
Л.Н. Толстого: опыт сопоставления**

Аннотация. Автор статьи сопоставляет новеллу В. Ф. Одоевского «Бригадир» и повесть Л. Н. Толстого «Смерть Ивана Ильича», поскольку в них присутствует явная интертекстуальная перекличка. Кроме выявления общих черт, автор также сосредоточен на различиях этих произведений, что позволяет прояснить авторскую позицию каждого из писателей. Контраст между новеллой Одоевского и повестью Толстого делает очевидной разницу авторских интенций и культурных парадигм, в контексте которых эти произведения создавались.

Ключевые слова: интертекстуальный диалог; русская литература; русские писатели; литературное творчество; сопоставительный анализ; новеллы; повести.

Kachkov I.A. (Ekaterinburg, URFU)

**“Brigadier” by V.F. Odoyevsky and “The Death of Ivan Ilyich”
by L.N. Tolstoy: an attempt of Comparison**

Abstract. The author of the article compares the short story “Brigadier” by V. F. Odoyevsky and the story “The Death of Ivan Ilyich” by L. N. Tolstoy, because they contain an obvious intertextual overlap. Besides identifying similarities, the author also focuses on the differences in these works, which makes it possible to clarify the author’s position on each writer. The contrast between Odoyevsky’s short story and the story of Tolstoy makes obvious the difference between the author’s intentions and the cultural paradigms in which the works were created.

Keywords: intertextual dialogue; Russian literature; Russian writers; literary creation; benchmarking analysis; short stories; tales.

О связи новеллы В. Ф. Одоевского «Бригадир» и повести Л. Н. Толстого «Смерть Ивана Ильича» литературоведению уже известно. Однако принято просто констатировать тот факт, что

такая связь существует. Например, Е. А. Маймин отмечал: «Сюжет “Бригадира” отчасти предваряет сюжет повести Л. Толстого “Смерть Ивана Ильича”. Как и у Толстого, в новелле В. Одоевского говорится о жизни заурядного человека, лишенной высокого нравственного смысла и заполненной от начала до конца ложью» [Маймин, 1975, с. 269]. Аналогичную связь находят и между «Сильфидой» В. Ф. Одоевского и «Черным монахом» А. П. Чехова. Но что дает науке сугубое обозначение этих связей без их серьезного анализа? Подобные интертекстуальные переключки – это прекрасная возможность увидеть, как на одном материале по-разному раскрывается талант и оригинальность художественного мышления писателей. Можно изучить специфику времени, творческих установок и даже увидеть, как при смене культурных парадигм смещаются акценты, расставленные авторами. Попробуем показать это конкретным сопоставлением.

Новелла В. Ф. Одоевского «Бригадир» впервые была напечатана в сборнике «Новоселье» вместе с новеллой «Бал» в 1833 году, хотя П. Н. Сакулин отмечает, что автограф «Бригадира» был найден еще в 1832 году в альбоме Юрия Никитича Бартенева, но тогда произведение еще называлась «Русский Пиратези» [Сакулин, 1913, с. 208]. Затем новелла попала в книгу «Русские ночи», которая увидела свет в 1844 году.

Повесть Л. Н. Толстого «Смерть Ивана Ильича» была опубликована в 1886 году и, согласно примечаниям В. Я. Линкова, «в повести отразилась жизненная история Ивана Ильича Мечникова, прокурора Тульского окружного суда, умершего 2 июня 1881 года от тяжелого заболевания» [Линков, 1982, с. 460]. Это подтверждается свидетельствами современников. Прямых указаний на то, что Толстой использовал и как-либо перерабатывал новеллу Одоевского, нет, хотя можно предполагать, что «Русские ночи» были известны Толстому. Следовательно, перед нами два возможных варианта: либо это сознательная переработка новеллы, интертекстуальный диалог² (Ю. М. Лотман в отношении И. А. Бунина называл это явление «переписывани-

² Подробнее об этом явлении можно прочитать в сборнике статей «Диалоги классиков – диалог с классикой» (Екатеринбург, 2014).

ем» сюжетов [Лотман, 1993, с. 181]), либо это непреднамеренная интертекстуальная перекличка.

Нельзя не обратить внимание на очевидную схожесть композиции этих произведений. И новеллу, и повесть можно разделить на две части: сначала нам показывают равнодушное отношение к покойному со стороны его окружения, а затем следует основная часть, которая является ретроспекцией – это история жизни и смерти героя. Эта часть более обширна по объему (в «Бригадире» это примерно две трети текста, в «Смерти Ивана Ильича» – 11 из 12 глав).

Очевидна перекличка фабулы: у Одоевского герой вспоминает похороны, на которых к покойному проявляется полное равнодушие, близкое даже к презрению. Затем к герою приходит сам мертвец и рассказывает свою историю, желая доказать, что и он заслуживает сочувствия. У Толстого мы видим похожую ситуацию: «“Каково, умер; а я вот нет”, – подумал или почувствовал каждый. Близкие же знакомые, так называемые друзья Ивана Ильича, при этом подумали невольно и о том, что теперь им надобно исполнить очень скучные обязанности приличия и поехать на панихиду и к вдове с визитом соболезнования» [Толстой, 1982, с. 55]. Герой Толстого – Петр Иванович – тоже ради исполнения формальностей приходит на панихиду (Иван Ильич был его другом), но первым же ее покидает и едет играть в карты.

История жизни покойного в обоих случаях начинается с описания детства. Мы узнаем особенности воспитания, видим становление характера и понимаем, что во многом именно окружение сформировало их личность. Герой Одоевского воспитывается в лицемерии, родители и учителя заставляют его говорить не то, что он думает, обучают словам, значение которых сами не понимают. «Когда я осмеливаюсь сделать какое-нибудь возражение – это называют неповиновением родительской власти; когда мне случайно удастся выговорить мысль, которую я не слышал ни от батюшки, ни от матушки, – это называют вольнодумством. Меня бранят и грозят мне за все, за что бы должно хвалить, и хвалят за все, за что бы должно бранить» [Одоевский, 1975, с. 41]. Учеба ему не дается, поэтому он рад скорее выйти на службу.

У Толстого Иван Ильич более успешен в учебе, но и у него постепенно стирается понимание, что в жизни правильно, а что нет: «Были в Правоведении совершены им поступки, которые прежде представлялись ему большими гадостями и внушали ему отвращение к самому себе в то время, как он совершал их; но впоследствии, увидав, что поступки эти были совершаемы и высоко стоящими людьми и не считались ими дурными, он не то что признал их хорошими, но совершенно забыл их и несколько не огорчился воспоминаниями о них» [Толстой, 1982, с. 63].

Оба героя не знают, что такое настоящая любовь. Они женятся, потому что так надо. У Одоевского: «Все женятся. Надобно жениться и мне. Вот я женат» [Одоевский, 1975, с. 41]. У Толстого: «Сказать, что Иван Ильич женился потому, что он полюбил свою невесту и нашел в ней сочувствие своим взглядам на жизнь, было бы так же несправедливо, как и сказать то, что он женился потому, что люди его общества одобряли эту партию. Иван Ильич женился по обоим соображениям: он делал приятное для себя, приобретая такую жену, и вместе с тем делал то, что наивысше поставленные люди считали правильным» [Толстой, 1982, с. 66]. В обоих случаях семейная жизнь становится кошмаром из-за постоянных ссор между мужем и женой – их взгляды ни в чем не сходятся. Однако светские приличия остаются превыше всего, поэтому семьям приходится изображать, что у них все хорошо. Лишь однажды Иван Ильич «в сердцах что-то упомянул о разводе» [Толстой, 1982, с. 75].

Оба героя успешны на своей службе, оба берут все новые чины, но затем случается некая болезнь. Одоевский совсем никак не поясняет, что это за болезнь, а Толстой вводит немало реалистичных деталей: Иван Ильич «чтобы показать непонимающему обойщику, как он хочет драпировать, оступился и упал, но, как сильный и ловкий человек, удержался, только боком стукнулся об ручку рамы» [Толстой, 1982, с. 74]. Это привело то ли к болезни кишки, то ли отрыву почки – это остается загадкой, потому что врачи дают герою противоречивые ответы. Но результат один в обоих случаях: болезнь оборачивается пониманием, что приближается смерть – и она неизбежна.

Осознание смерти пугает героев, они хотят жить, они хотят, чтобы им сочувствовали, жалели их.

У Одоевского: «Я жаждал взора, который бы отрадою сочувствия пролился в мою душу, – и встретил лишь насмешливое презрение на лице твоём!» [Одоевский, 1975, с. 44].

У Толстого: «мучительнее всего было для Ивана Ильича то, что никто не жалел его так, как ему хотелось, чтобы его жалели: Ивану Ильичу в иные минуты, после долгих страданий, больше всего хотелось, как ему ни совестно бы было признаться в этом, – хотелось того, чтоб его, как дитя больное, пожалел бы кто-нибудь. Ему хотелось, чтоб его приласкали, поцеловали, поплакали бы над ним, как ласкают и утешают детей» [Толстой, 1982, с. 92].

И самое главное – оба героя начинают «думать». Они начинают понимать, что все это время жили неправильно. Им хочется все изменить, прожить иначе.

У Одоевского: «О, каким языком выразить мои страдания! Я начал думать! Думать – страшное слово после шестидесятилетней бессмысленной жизни! Я понял любовь! любовь – страшное слово после шестидесятилетней бесчувственной жизни! И вся жизнь моя предстала мне во всей отвратительной наготе своей! <...> И все минуты моего существования, затоптанные в бессмыслии, приличиях, ничтожестве, слились в один страшный упрек и жгучим холодом обдавали мое сердце!» [Одоевский, 1975, с. 44].

У Толстого: «Ему пришло в голову, что то, что ему представлялось прежде совершенной невозможностью, то, что он прожил свою жизнь не так, как должно было, что это могло быть правда. Ему пришло в голову, что те его чуть заметные поползновения борьбы против того, что наивысше поставленными людьми считалось хорошим, поползновения чуть заметные, которые он тотчас же отгонял от себя, – что они-то и могли быть настоящие, а остальное все могло быть не то. И его служба, и его устройства жизни, и его семья, и эти интересы общества и службы – все это могло быть не то. Он попытался защитить пред собой все это. И вдруг почувствовал всю слабость того, что он защищает. И защищать нечего было» [Толстой, 1982, с. 104].

«– Да, все было не то, – сказал он себе, – но это ничего. Можно, можно сделать “то”. Что ж “то”? – спросил он себя и вдруг затих» [Толстой, 1982, с. 106].

Помимо очевидных сходств в фабуле и композиции можно выделить и немало принципиальных различий, которые подчеркивают разный подход писателей. Прежде всего, различия обусловлены жанровой природой произведений. Одоевский создает новеллу, а Толстой – повесть, и это объясняет разницу в темпе повествования, количестве персонажей и событий.

Для новеллы «Бригадир» Одоевский выбирает персонифицированную форму повествования: есть рассказчик, который был свидетелем похорон. Затем, когда к рассказчику приходит сам покойный, повествование уже переходит к нему. Покойный сам рассказывает о своей жизни и смерти, а описываемые события предстают в виде театра теней (то есть он не столько рассказывает, сколько комментирует), после чего финал – последний абзац – снова возвращается первому рассказчику. При этом и рассказчик, и покойный обезличены и довольно условны (у них нет ни только имен, но и описания внешности, мы не знаем ни места, ни времени действия), что приближает новеллу к некоей поучительной притче, которую без особых трудностей можно оторвать от конкретного хронотопа.

Повесть Толстого, помимо очевидной реалистичности фабулы, отличается аукториальным повествованием (обо всех событиях мы узнаем от всезнающего повествователя) и большей конкретикой, большим количеством деталей. Нам известны все имена героев, гораздо больше внимания уделено болезни героя, его взаимоотношениям с окружающими. Толстой не усложняет восприятие произведения, как это делает Одоевский, а наоборот – избирает простую ретроспекцию, сохраняя привычное повествование.

Произведения отделены друг от друга более чем на 50 лет. Одоевский, писавший новеллу под явным влиянием романтизма, добавляет в произведение не только мистическое явление мертвеца, но и возводит «прозревшую» личность покойного до уровня настоящего романтического героя – одинокого, сильного, осознающего, что есть пошлый мир притворства, из которого он вышел сам, и мир настоящей мысли и настоящего чувства, куда он все-таки смог попасть. Его последние слова, обращенные к рассказчику, уже звучат гордо: «Теперь, если хочешь, не сожалей обо мне, не плачь обо мне, презирай меня!» [Одоевский, 1975, с. 44]. Тогда происходит перемена и в самом рас-

сказчике – в последнем эпизоде описывается, как он плачет на могиле – в нем тоже появились настоящие чувства.

Толстой, избегая мистики, но наполняя художественный мир деталями, оставляет героя наедине со своими страданиями – ни при жизни, ни после смерти Иван Ильич не раскрывает свои чувства, зато перед читателем предстает вся его душа: все то, что скрывает герой даже от себя самого. Если Одоевский предлагает нам готовую поучительную и обличительную исповедь, то Толстой позволяет проследить со стороны все перемены в душе героя, все разрывающие его противоречия: это и безразличие к болезни, и вера в лекарство, и желание использовать сразу все доступные методы лечения, отчаяние, злость на окружающих за то, что они не хотят его пожалеть, за их ложь, за то, что они живые и здоровые, а его ждет смерть, он испытывает ощущение одиночества, страха, желание скорее умереть и желание прожить как можно дольше.

Одоевский предлагает ситуацию, но еще не ставит себе задачу углубиться в сложность человеческой души. Он обличает пошлое общество, в котором нет правды и искренности (и в этом плане не зря новеллы «Бригадир» и «Бал» всегда находились рядом: и в сборнике «Новоселье», и в книге «Русские ночи» – они идейно продолжают друг друга). Миру нужно преобразиться – и рассказчик, который в финале проявляет настоящие чувства и плачет на могиле, доказывает, что такое преобразование возможно.

У Толстого преобразование коснется только Ивана Ильича, и этот опыт герой уже не сможет никому передать – каждому придется обрести его самостоятельно. Если Одоевский моделирует условную ситуацию смерти и прозрений человека в свете приближающейся смерти, то Толстой поступает иначе – он делает историю предельно конкретной и личной, но при этом она все равно касается каждого.

Таким образом, различие между интенциями Одоевского и Толстого становится очевидным. Оставаясь в рамках одной фавбулы, писатели использовали совершенно разные подходы к созданию произведения – свойственные именно им.

Литература

Диалоги классиков – диалоги с классикой: сб. науч. ст. – Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2014. – 316 с.

Линков В. Я. Комментарии Л.Н. Толстой. Смерть Ивана Ильича // Толстой Л. Н. Собрание сочинений: в 22 т. – М.: Художественная литература, 1982. – Т. 12: Повести и рассказы. 1885-1902 гг. – С. 459-463.

Лотман Ю. М. Два устных рассказа Бунина: (К проблеме «Бунин и Достоевский») // Лотман Ю. М. Избранные статьи: в 3 т. – Таллинн: Александрия, 1993. – Т. 3. – С. 172-184.

Маймин Е. А. Владимир Одоевский и его роман «Русские ночи» // Одоевский В. Ф. Русские ночи. – Ленинград: Наука, 1975. – С. 247-276.

Одоевский В. Ф. Русские ночи. – Ленинград: Наука, 1975. – 320 с.

Сакулин П. Н. Из истории русского идеализма. Князь В.Ф. Одоевский. Мыслитель-писатель. – Москва: Изд. М. и С. Сабашниковых, 1913. – Т. 1, ч. 2. – 480 с.

Толстой Л. Н. Собрание сочинений: в 22 т. – Москва: Художественная литература, 1982. – Т. 12: Повести и рассказы. 1885-1902 гг. – 478 с.